

Свидригайлов

Свидригайлов очерчен Достоевским весьма живо и естественно. Это тип человека, не имеющего никаких нравственных правил. Он был образован, воспитан, богат, красив, но чувственные наслаждения погубили его. Гонимый за этими удовольствиями, он промотал свое состояние, стал шулером и затем нищим. Богатая женщина влюбилась в него, заплатила его долги и сделала своим мужем. Свидригайлов несколько лет живет в деревне, причем не отказывает себе в чувственных удовольствиях. Наконец все ему надоело. В это время он встретился с Авдотьей Романовной и стал преследовать ее, чтобы удовлетворить свою страсть. Думая, что Авдотья Романовна противится его желаниям потому, что он женат, Свидригайлов, не задумываясь, убивает свою жену, бросает детей и едет в Петербург за Дуней. Хитростью он завлекает ее в свою квартиру и хочет обесчестить. Но когда видит, что Раскольникова чувствует к нему ненависть и презрение, он отпускает ее. После этого ему остался только один исход – самоубийство. Свидригайлов разбрасывает свои деньги и умирает равнодушным ко всему, даже к самому себе. Конечно, никто не пожалеет такого изверга.

По И. Глебову

Как-то отдельно от всего действия романа стоит фигура Свидригайлова. В ней многое остается необъясненным, загадочным. Свидригайлов — человек способный на всякую гадость, но между тем мы видим в нем и хорошие движения души — так, он вдруг обеспечивает после смерти Катерины Ивановны ее семейство. Неясны его отношения к сестре Раскольникова. Очевидно, он питал к ней глубокую и постоянную страсть. Сцена его свидания с ней заставляет думать, что в нем говорило не одно животное вожделение, но нечто иное. Неясен также душевный процесс, который довел его до самоубийства. При всей недостаточности и туманности обрисовки, Свидригайлов производит впечатление чего-то цельного, какой-то силы. Он даже симпатичен, несмотря на свои дурные стороны.

По Н. Дюнькину, А.Новикову

«Преступление и наказание» по своей художественной законченности занимает первое место среди романов Достоевского, романов городской жизни, жизни Петербурга, «города полусумасшедшего», как выражается один из героев «Преступления и наказания».

По мнению проф. Чижа, в «Преступлении и наказании» пять душевнобольных: Раскольников и его мать, Мармеладов и его жена и Свидригайлов. Последний — наиболее совершенное, «бессмертное» изображение нравственного помешательства.

То, что называется нравственным помешательством, выражается полной или почти полной утратой нравственных понятий при наличии других душевных проявлений. «Русские люди вообще широкие люди, — говорит Свидригайлов, — широкие, как их земля, и чрезвычайно склонны к фантастическому, к беспорядочному». «У нас в образованном обществе особенно священных преданий ведь нет», — развивает он далее свою мысль. Иные составляют себе эти священно-нравственные понятия по книгам или «из летописей выводят», но, по мнению Свидригайлова, это значит быть «колпаком» и «неприлично светскому человеку». Себя он с чувством удовлетворения называет «белоручкой» и никаких святых не признает.

Он родовой дворянин, бывший кавалерийский офицер, не порвавший разных общественных «связей», которые его не раз выручали в трудные минуты жизни. «По старой полковой привычке» он алкоголик, а из любви к сильным ощущениям шулер и разврат-

ник, о чем говорит с откровенным цинизмом. Жену он бил хлыстом, тоже находя в этом удовольствие, а затем отравил ее, добившись угрозами или взятками, что медицинское вскрытие установило смерть от сытного обеда после купанья. Легко сошло с рук Свидригайлову и самоубийство его лакея, доведенного до этого грубым обращением. Вспоминать об этом Свидригайлову не стыдно, а только скучно. Узнав из подслушанного разговора о преступлении Раскольникова, Свидригайлов считает его интересным человеком и предлагает устроить побег за границу. Раскольников для него «своего поля ягодка». Признавая за собой полное право пользоваться людьми для своего удовольствия и пользы, Свидригайлов презрительно относится ко всяким новым общественным веяниям и очень рад, что в его местности крестьянскую реформу провели так, что у него доходов не убавилось.

Общественная опасность свидригайловых в том, что они только с медицинской точки зрения рассматриваются, как больные. Для всех они, самое большее, люди со странностями. Достоевский показывает и несомненную болезненность Свидригайлова, страдающего от галлюцинаций, и его заразное, тлетворное влияние. Он «имеет счастье интересоваться своими суждениями» сестру Раскольникова, которую в конце концов доводит своими гнусными домогательствами до того, что она стреляет в него и едва не убивает. Он находит себе невесту, «шестнадцатилетнего ангельчика», наслаждается ее стыдливими слезами от его обращения и уже наперед знает, что после свадьбы ее бросит, и что какая-то мадам Ресслих старается об этой свадьбе, чтобы потом, пользуясь безвыходным положением брошенной женщины, сделать «оборот», «в нашем слою то есть да повыше».

Бесчисленными нитями взаимодействия с нравственным помешательством Свидригайлова связаны духовно неразвитые Лебезятниковы и нравственно глухие Лужины. Безнадежно глупый и грубый Лебезятников видит даже служение прогрессу в исповедании, например, таких идей, что благородство и великодушие — все это вздор, нелепости, старые предрассудочные слова. Через Лебезятникова Мармеладов узнает, что «сострадание в наше время даже наукой воспрещено, и что так уже делается в Англии, где политическая экономия».

По В. Максимова, С. Золотареву

Свидригайлов, с одной стороны, заскорузлый деревенский помещик, с другой — такой беспощадный и красноречивый философ, что может поставить в тупик любого профессора. Он мистик в простонародном смысле, верит в привидения, в предзнаменования, и в то же время рационалист и скептик. Им семь лет помыкала жена, и он все терпел от нее; но в то же время это человек, который достигает решительно всего, чего захочет, который идет сознательно под пулю, чтобы овладеть девушкой, его ненавидящей, для которого нет ничего дорогого в мире, не исключая самой жизни. Прошедшее его кишит чудовищными преступлениями; и ни в одном он не раскаивается. Но вместе с тем он все состояние свое отдает на спасение совершенно чужой ему падшей женщины, великодушничает, благодетельничает, отказывается от почти достигнутых наслаждений, смеясь над всем в мире: над чувством, над чувствительностью, над правдою и правосудием...

Он и умирает так же бесцельно, бессмысленно, неизвестно почему и для чего. Пустил себе пулю в лоб, да и квит... Главное, что ему скучно, просто скучно, деваться некуда. Уж чего только он не выдумывал, чего не испробовал!..

«А вы были и шулером?» — спрашивает его Раскольников.

«Как же без этого?» — отвечает Свидригайлов. У него и взгляды и речи такие же курьезные, как и сам он.

«У нас, в русском обществе, самые лучшие манеры у тех, которые биты бывали, — заметили вы это?» — говорит он. «Человек очень и очень даже любит быть оскорбленным, замечали вы это? Но у женщин это в особенности. Даже можно сказать, что тем только и пробавляются», — философствует Свидригайлов.

А вот, например, как рассуждает Свидригайлов о будущей жизни:

«— А что, если там одни пауки или что-нибудь в этом роде, — сказал он вдруг.

“Это помешанный”, — подумал Раскольников.

— Нам вот всё представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот вся вечность. Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится.

— И неужели, неужели вам ничего не представляется утешительнее и справедливее этого! — с болезненным чувством вскрикнул Раскольников.

— Справедливее? А почему знать, может быть, это и есть справедливое и, знаете, я бы так непременно нарочно сделал! — ответил Свидригайлов, неопределенно улыбаясь».

Холодом охватывает при этой ужасной искренности сумасшедшего человека, в котором, рядом с философом-циником, сидит циник-сластолюбец и циник-преступник...

«Всяк об себе сам помышляет, и всех веселей тот и живет, кто всех лучше себя сумеет надуть! — разъясняет он Раскольникову принципы своей жизни. — Ха, ха! Да что вы в добродетель-то так всем дышлом въехали? Пощадите, батюшка, я человек грешный. Хе, хе, хе!»

Шляясь по кабакам и вертепам разврата, он, в то же время, отдает все свои средства для спасения проститутки, подбирает заброшенного ребенка, освобождает из своих объятий испуганную девушку, которой страстно добивался несколько лет, рискуя даже жизнью, и потом хладнокровно, от скуки, лишает себя жизни.

Таков Свидригайлов.

По Е. Маркову

Помещик Свидригайлов оттеняет собой Раскольникова. Он обладает тем, чего не хватает Раскольникову, — силой природы, позволяющей переступить грани бестрепетно. Свидригайлов оттеняет собой слабость и книжность Раскольникова, его теоретичность, исключая самую возможность того непосредственного сильного желания, которое обуславливает собой способность переступить через грани.

Полюбив Дуню, Свидригайлов не останавливается перед убийством своей жены и остается безнаказанным. В противоположность Раскольникову, после преступления Свидригайлов оказывается жизнеспособным, он продолжает добиваться любви Дуни и только тогда, когда убеждается в полной безнадежности своего чувства, он убивает себя. Свидригайлов — сильная, богатая натура, умеющая соединить преступление и великодушие, обладающая большим запасом воли.

Свидригайлов именно тот человек, который спокойно может осмелиться переступить грань морали. Рядом с ним Раскольников является безвольным теоретиком, неспособным справиться с собственной идеей.

По Н. Коробке

Свидригайлов начал свою жизненную карьеру кавалерийским офицером, но так как самая привлекательная сторона этой службы — честолюбие, исполнение известных правил чести, товарищество, — вследствие неспособности его ко всем этим чувствам, он бросает службу; для него существовали только одни ее отрицательные стороны: стеснение, обязательный труд и т. п. После этого он начинает жить одними чувственными наслаждениями, которые имеют обычный исход — разорение и пресыщение. Понятно, что такой человек не задумывается в выборе способов получения денег — он становится шулером; в его сознании никогда не возникало вопроса, нравственно ли это занятие; одно, что считает нужным сказать он об этом периоде своей жизни, это то, что его били за шулерство. Этим он даже несколько гордится: по его понятиям, только у битых бывает хорошая манера. Наконец он становится нищим, жителем дома Вяземского, но и такое падение его нисколько не смущает; он не чувствует униженности такого положения,

даже того стыда, который свойствен всем опустившимся так низко в жизни; словом, грязь, в прямом и переносном смысле, дома Вяземского не действует на его нервы, хотя очевидно, что для человека его воспитания такая жизнь должна быть крайне тяжела.

Но тут судьба сжалилась над ним: богатая женщина платит его долги, с помощью денег заминает его дело об изнасиловании, делает его своим мужем. Свидригайлов цинично присваивает себе право брать в наложницы ее горничных и широко пользуется этим правом, так он несколько лет прозябает в деревне. Все ему надоело, ничего не занимает его, ничто не волнует; он совершенно безучастно относится к жене, детям; общественных обязанностей помещика он не понимает, потому что нравственные чувства, лежащие в их основе, для него не существуют. Жизнь становится в тягость; напрасно добродушная жена возила его за границу: благодаря отсутствию эстетических чувств, интереса к общественной жизни ему было там так же скучно, как дома.

Однако за это время он не делает ничего дурного. Некоторые готовы даже считать его добрым человеком; но насколько для него чуждо сочувствие ближнему, видно из того, что он для развлечения до такой степени преследовал своего лакея, смеясь над его убеждениями, что довел последнего до самоубийства. Конечно, Свидригайлов не виноват в смерти этого лакея: ведь он не чувствовал и не понимал, что могут значить для человека заветные убеждения, потому что у него самого не могло быть убеждений, не было ничего заветного, дорогого.

Но вот он встречается с девушкой, возбуждающей в нем влечение, однако ухаживания его остаются без успеха; Свидригайлов думает, что девушка потому не отдается ему, что он женат. Сомнения в том, что если б он мог жениться на ней, то она, как бедная, согласилась бы на его предложение, — не возникают в его мозгу; он не допускает мысли, что может возбуждать отвращение, так как для него недоступны сознание собственной гадости и оценка нравственной прелести этой девушки.

Тогда он устраняет единственное, по его мнению, препятствие — жену, женщину, спасшую его от долговой тюрьмы и каторги, любившую его и заботившуюся о нем, бросает детей и едет за Дуней Раскольниковой; но тут он обнаруживает окончательную невозможность достичь своей цели. Может показаться, что у него возродилось какое-то нравственное чувство, когда он не воспользовался беспомощным положением Дуни, но проще и вернее другое объяснение — Свидригайлов, как утонченный развратник, желал взаимности, но убедился, что Дуня питает к нему физическое отвращение. Пресыщенный Свидригайлов не нашел именно того, чего искал; удовлетворение же животной страсти для него, как человека все-таки истощенного, не имело особой цены; так что кажущееся великодушие Свидригайлова явилось просто результатом его пресыщенности.

Свидригайлов разбрасывает деньги и умирает, даже не вспомнив о своих детях в предсмертные минуты; только картины личной жизни мелькают в его голове, он не вспоминает ни одного друга, ни одного близкого человека; ему не с кем проститься, не о ком пожалеть. Он умирает равнодушный ко всему, даже к самому себе; в свою очередь никто не пожалеет о нем, он ничего не оставил, от его смерти не пострадали ничьи интересы. Между тем Свидригайлов был образован, воспитан, богат, красив; он имел полное право на счастливую жизнь, но нравственная слепота сделала его жизнь тяжелой, довела его до самоубийства — естественного способа покончить с пресыщенностью жизни, так как ничего не осталось привязывающего к ней: нет желаний, нет каких-либо интересов, нет ничего в будущем.

По В. Чижу

Еще в 1880-х годах исследователь-психиатр В. Чиж признал фигуру Свидригайлова «самой лучшей во всех произведениях Достоевского»:

«Может быть, изо всех типов, созданных Достоевским, один Свидригайлов останется бессмертным».

Это огромное художественное достижение было обусловлено общей системой построения образов романа, заостренных социальной злободневной эпохой.

«Оно, конечно, одет прилично и числось человеком не бедным, – рекомендуется Свидригайлов, – нас ведь и крестьянская реформа обошла: леса да луга заливные, доход-то и не теряется, но...»

Перед нами крупный помещик, уже ограниченный «крестьянской реформой» в своем материальном достоянии и личной власти, хотя «леса да луга заливные» и остались за ним. Достоевский вводит в его биографию эпизод истязаний дворового человека, приведенного к самоубийству «системой гонений и взысканий» своего господина.

По черновым записям рабовладельческие инстинкты героя оказывались еще резче; «он засекал крепостных» и «пользовался невинностями» своих крестьянок. Факт доведения им до петли дворового Филиппа Достоевский точно датирует концом 1850-х годов: «Произошло это лет шесть назад, еще во времена крепостного права». Стоит вспомнить, что как раз накануне написания «Преступления и наказания» была проведена крестьянская реформа. Объявленная манифестом 1861 года, она осуществлялась в 1863 году, когда более 80 процентов крепостных были «поставлены в окончательно определенные отношения к своим бывшим помещикам».

Переходное двухлетие фактически мало изменило помещичьи нравы, и в журналах Достоевского есть ряд свидетельств о дряхлых жестоких традициях крепостничества, особенно в отношении многострадальных дворовых людей.

Журнал Достоевского, отмечавший, что «крестьянский вопрос есть дворянский вопрос», приводил на своих страницах ряд характерных случаев современной хроники: о жестоком обращении помещика с дворовыми людьми; о безобразном поступке одного помещика Миусского округа с девицей, жившей в его семействе более шести лет в качестве гувернантки (попытка к избиению «двухаршинным чубуком», бегство девушки и пр.); весь эпизод сильно напоминает отъезд Дунечки из имения Свидригайлова в крестьянской телеге под проливным дождем; наконец, о самоубийстве тринадцатилетней крестьянской девочки, повесившейся в светелке на поясе, привязанном к жерди, напоминает случай с племянницей Ресслих, удавившейся на чердаке, после того как она была «жестоко оскорблена Свидригайловым». Этот мотив «оскорбленной девочки» несколько раз звучит в «Преступлении и наказании» (пьяная девушка на К-м бульваре, спор Разумихина с Порфирием, кошмар Свидригайлова перед самоубийством).

Впоследствии этот мотив в полном объеме был разработан в «Бесах» («Исповедь Ставрогина»). Но уже в эпоху «Преступления и наказания» тема эта привлекала пристальное внимание автора. По рассказу Софьи Ковалевской, Достоевский еще весной 1865 года рассказывал ей и сестре ее А. Корвин-Круковской сцену из задуманного им романа о том, как «герой-помещик, средних лет, очень хорошо и тонко образованный», вспоминает, «как однажды, после разгульной ночи и подзадоренный пьяными товарищами, он изнасиловал десятилетнюю девочку».

Интригующая жизненность образа Свидригайлова объясняется и его реальными источниками. Герой, по указаниям Достоевского, списан с его товарища по Омской каторге Аристов. В черновиках романа он выступает под этой фамилией. Молодой дворянин, не лишенный образования, красивый и умный, с вечной насмешливой улыбкой на губах, он представлял собою законченный тип морального урода, «чудовища, нравственного Квазимодо».

Аристов «был каким-то куском мяса, с зубами и желудком, и с неутолимой жаждой наигрубейших, самых зверских телесных наслаждений, и за удовлетворение самого малейшего и прихотливейшего из этих наслаждений он способен был хладнокровнейшим образом убить, зарезать, словом на все, лишь бы спрятаны были концы в воду... Это был пример, до чего могла дойти одна телесная сторона человека, не сдержанная внутренне никакой нормой, никакой законностью».

Свидригайлов был задуман как некий пятидесятилетний Аристов и сохранил в своей внешности и характеристике ряд явных черт прототипа. Но в процессе художественной разработки образ был смягчен и даже получил некоторые черты нравственного благородства (забота о Соне, о маленьких Мармеладовых, отказ от Дуни). Достоевский прибегнул здесь к особому эксперименту: поразивший его жизненный тип он поставил в другую обстановку и взял в другом возрасте, сохранив все своеобразие необычайной человеческой особи.

По Л. Гроссману